

ствия достаточных средств они порой, к сожалению, застревают в редакционных портфелях, как это случилось, например, в Самаре с изданием «Записок о Монголии» Н.Я. Бичурина.

* * *

1. РГБ. Ф. 273. Картон 10. Ед. хр. 9.
2. См.: Н.Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение (К 200-летию со дня рождения): Материалы конференции. М., 1977. Ч. II. С. 114.
3. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 640. Л. 92–97.
4. Подробнее см.: Н. Веселовский. Поездка Н.И. Любимова в Чугучак и Кульджу под видом купца Хорошева. СПб., 1909.

С.С. Алымов

**П.И. КУШНЕР И П.Ф. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА
В КОНТЕКСТЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ
1920–1930-х годов.**

Идея сравнительной характеристики творчества двух этнографов и историков, Кушнера и Преображенского, на первый взгляд может показаться достаточно неожиданной. Их жизненные пути, политические и теоретические позиции были настолько различны, что на первый взгляд они представляются скорее антиподами — противоположными полюсами в мире советской гуманитарной науки 1920–30-х гг. Однако более подробное знакомство с их деятельностью показывает неожиданные параллели и сходства, наводящие на мысль о несводимости как деятельности отдельных ученых, так и ситуации в советской этнографии в целом к однозначным клише (наподобие «буржуазных» ученых и марксистов), которыми изобилует политический и научный дискурс того времени и которые до сих пор мешают нам видеть многомерность историографической картины эпохи и индивидуальные черты творчества отдельных ученых.

Жизненные пути и то, что в 1920-е годы было принято называть «социальным происхождением», указывают на принадлежность этих людей к чрезвычайно разным слоям российского/советского общества. Преображенский (1894–1937) происходил из рода просвещенных православных священников, интеллектуалов-богословов. Окончив престижную московскую гимназию, он без труда поступил на историко-филологический факультет Московского университета, под руководством крупнейшего историка древнего мира Р.Ю. Випшера написал диссертацию о раннехристианском проповеднике и мыслителе Тертуллиане и был оставлен при универси-

тете сначала в звании приват-доцента, а с 1921 г. — профессора¹. Кушнер (1889–1968) родился в Гродно и был незаконнорожденным сыном судейского чиновника и актрисы. Из-за ранней смерти отца и отсутствия вследствие этого у семьи средств к существованию он с трудом поступил в гродненскую гимназию, с тринадцати лет зарабатывал на жизнь уроками. В 1905 г. вступил в РСДРП, по причине политической неблагонадежности не получил даже аттестата об окончании гимназии и, не имея возможности получить высшее образование, слушал лекции в негосударственном Университете Шанявского в Москве. Кушнер был активным участником московского вооруженного восстания, участвовал в Гражданской войне, в первые послереволюционные годы занимал высокие должности в партийном аппарате, в качестве начальника первой разъездной группы лекторов читал красноармейцам лекции о первобытной культуре. В 1921 г. он стал преподавателем Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова — учебного заведения, созданного большевиками в противовес «старым» университетам для подготовки управленческой элиты новой власти².

В том же 1921 г. после недолгого пребывания на посту профессора Самарского университета Преображенский возвратился в Московский университет, подвергшийся к тому времени основательной реформе. Вместо гуманитарных факультетов в нем был создан факультет общественных наук, на котором ученый и продолжил преподавательскую деятельность. Он оставляет занятия историей христианства и читает в основном курсы западно-европейской истории «эпохи империализма», этнологии и истории общественных форм. Последний учебный предмет был введен в программы всех гуманитарных вузов и представлял собой «социологизированный» вариант истории. Кушнер был, по всей видимости, одним из авторов самой идеи такого учебного предмета, он же написал наиболее распространенный учебник «Очерк развития общественных форм», выдержавший 7 изданий с 1924 по 1929 гг. В 1921 г. этот учебный курс родился в Комуниверситете из идеи «слияния» истории культуры и истории хозяйственных форм и имел целью «ознакомление студентов со схематической картиной развития человеческих общественных отношений с первобытных времен до эпохи промышленного капитала, причем предполагалось дать связную теорию, иллюстрированную историческими примерами развития таких общественных форм, как формы хозяйства, брака и семьи, государства, классовой борьбы и некоторых идеологий (главным образом, религии)»³. Это была амбициозная попытка дать всеобъемлющую марксистскую интерпретацию истории. Определяющая роль производительных сил не только декларировалась, но и отражалась в самом построении учебника, в основу которого легла периодизация по «социоло-

гическим эпохам». Всего их пять: первобытная, родовая, феодальная, капиталистическая и социалистическая. В первую эпоху господствует присваивающая форма хозяйства, основной «ячейкой общества» являясь орда. В родовую эпоху происходит переход к хозяйству производящему, а орда «распадается» на роды, основную общественную форму эпохи. Далее происходит дробление на отдельные хозяйства, «примитивная демократия» сменяется диктатурой отдельных привилегированных групп («племенное государство»), однако впоследствии крупные земельные собственники становятся независимыми — возникает феодализм и т.д. Каждую «социологическую эпоху» Кушнер характеризовал и с точки зрения развития семьи, религии, искусства.

Учебник Преображенского вышел в 1929 г. и носил название «Курс этнологии», хотя еще в 1926 г. (судя по датированной этим годом автобиографии) он планировал издать книгу «История и развитие общественных форм (Опыт построения гинетической социологии)»⁴. Он отличался от кушнеровского принципом построения материала. С точки зрения теории, Преображенский был ближе к культурно-исторической школе, считал наиболее актуальной проблемой этнологии создание теории культурных кругов, или ареалов, элементы культуры которых имели бы внутреннюю связь («корреляцию»), и изучение проблем аккультурации, т.е. заимствования этих элементов. Преображенский рассматривал распространение элементов материальной культуры, типов хозяйства, систем родства, верований и т.д. Основным пафосом данного курса была, пожалуй, критика однолинейного эволюционизма в рассмотрении всех данных проблем (теорий Бахофена и Моргана в истории семьи, схемы собирательство-охота-скотоводство-земледелие в истории хозяйства и т.д.).

8 марта 1923 г. в Комуниверситете была организована дискуссия о первобытном коммунизме. Основных участников было трое: экономист и философ А.А. Богданов, П.Ф. Преображенский и П.И. Кушнер. А.А. Богданов придерживался тезиса о неизбежности «коммунистического» распределения добычи из-за суровости природных условий, в которых жили первобытные люди. Орудия труда, по его мнению, также предоставлялись индивиду коллективом⁵. П.Ф. Преображенский считал саму постановку вопроса о первобытном коммунизме ошибкой. Он считал, что на основании научных данных можно говорить только о «более или менее индивидуалистических или коммунистических оттенках в хозяйстве данного общества» в зависимости от конкретных условий его технологии и окружающей среды⁶.

Позиция П.И. Кушнера оказалась ближе к выводам «буржуазного» этнолога П.Ф. Преображенского, чем марксиста А.А. Богда-

нова. Основываясь на доступной ему литературе, П.И. Кушнер делал вывод о господстве на ранних стадиях человеческой истории собирательства. Охотничью же добычу первобытные люди делили «на месте», руководствуясь принципом «каждый получает то, добывая чего он участвовал»⁷. Соответственно он отрицал в общность производства, так и общность потребления в первобытном коллективе⁸. Теория первобытного коммунизма, достаточно свободно обсуждавшаяся в 1920-х годов, стала одним из краеугольных камней советской версии марксизма, сложившейся в 1930-е гг. Отрывочные упоминания Энгельса о «коммунистических началах» первобытного хозяйства превратились в этой версии в догмат об эпохе первобытного коммунизма как первой исторической формации, имевший очевидное идеологическое значение. Авторами, в наибольшей степени причастными к становлению ортодоксии советского марксизма, были С.Н. Быковский, А.Г. Пригожин, В.И. Равдоникас и другие сотрудники ГАИМК, ставшей, по точному выражению А.А. Формозова, в 1932–1934 годы центром советской исторической мысли.

В первой половине 1930-х годов из под пера этих авторов выходит ряд статей и книг, в которых содержалась резкая политизированная критика всех ученых, допустивших те или иные «антимарксистские извращения». Марксист Кушнер, как ни парадоксально, стал одним из главных объектов этих нападков, причем его имя называлось зачастую в паре с именем Преображенского. Так, Равдоникас возмущался тем, что они оба допускают существование собственности в доклассовом обществе. Кушнер повторяет «утверждения буржуазных и социал-фашистских авторов», облакая их в «марксистские фразы», авторитетами для него являются немецкие ученые К. Бюхер, Г. Шурц, Г. Кунов, и он даже «не брезгает» П.Ф. Преображенским⁹.

Кампания идеологической критики Преображенского началась в 1929 г., когда был взят курс на большевизацию всех академических и научных организаций. 17 марта 1929 г. в «Правде» была опубликована статья лидера историков-марксистов М.Н. Покровского, в которой он использовал отдельные цитаты из опубликованной в 1926 г. диссертации Преображенского «Тертуллиан и Рим» для доказательства того, что Преображенский «не марксист, а только испытал на себе влияние марксизма», как и его учитель Виппер¹⁰. Через месяц в «Правде» было опубликовано письмо Преображенского, пытавшегося доказать обратное. Он указывал на то, что в его книге дается социально-экономический анализ происхождения христианства и «кризиса религии», что статья Покровского несправедлива и в «общественном смысле», так как «работа в Университете им. Свердлова, ИКП, Главпрофобре, на курсах уездных партработников», а также «занимаемая мною позиция в академи-

ческих учреждениях, как МГУ, Институт истории, поставила меня в значительной степени вне кругов т.н. “академической” профессуры»¹¹. Покровский отвечал, что он не сомневается в лояльности Преображенского советской власти: «Можно быть честнейшим советским специалистом, искренне и ревностно работать для советского государства и не быть марксистом», однако, — продолжал он, — «из этого никак не следует, что мы обязаны поручать воспитание будущих историков не-марксистам»¹². В феврале 1930 г. Преображенский был освобожден от работы в Институте этнических и национальных культур, где он занимал должность председателя разряда этнологии. Среди мотивов основными были «отсутствие общественно-политической работы» и «недостаточность марксистского руководства секцией». Всю весну 1930 г. Преображенский вел переписку с Главнаукой, специальным приказом Наркомпроса добился своего восстановления в должности действительного члена Института, однако, получив таким образом «моральное удовлетворение», подал заявление об уходе¹³.

В 1929 г. Преображенский и Кушнер, как и многие другие московские этнографы, работали в секции социологии Института истории Комкадемии (бывшего Института истории РАНИОН, в связи с переходом которого в систему Комкадемии и была написана статья Покровского). Сотрудники секции разрабатывали главным образом проблематику социального строя докапиталистических формаций. В плане секции Преображенским была заявлена тема «Родовой строй и формирование раннефеодальных отношений на примере туркмен», Кушнером — «Разложение родовой организации у каракиргизов и казаков-киргизов»¹⁴. Эти темы были связаны с полевыми этнографическими исследованиями, которые оба, не имея ранее опыта полевой работы, начали проводить. Проблематика, на которой заостряли свое внимание оба исследователя (социальные отношения, проблемы разложения родового строя и формирования классового общества у различных народов СССР), была характерна для становящейся марксистской этнографии. Актуальность этой тематики была очевидна в контексте назревавшей коллективизации. В 1930-е годы этнографы находили классовое общество и эксплуатацию у самых разных народов — отчасти чтобы оправдать произошедшие раскулачивание и коллективизацию. Кушнер, проводивший полевую работу в северной Киргизии летом 1925 г., и Преображенский, возглавлявший Среднеазиатскую экспедицию Института истории РАНИОН в Хорезм зимой 1928–1929 годов, осуществили свои исследования еще до начала сплошной коллективизации. Книга Кушнера «Горная Киргизия» (1929) и статья Преображенского «Разложение родового строя и феодализационный процесс у туркмен-иомудов» (1930) открывают целый ряд подобных

исследований в советской этнографии 1930-х годов. Тем не менее оба исследования подверглись в свое время резкой критики, способствовавшей вынужденному отходу и Кушнера, и Преображенского от этнографии.

Показательна в этом отношении история монографии Кушнера «Горная Киргизия». Сразу после проведения полевой работы исследователь представил в Среднеазиатское бюро ЦК в Ташкенте доклад об экономическом положении в обследованном районе. Основное внимание в нем он уделил экономическим взаимоотношениям богатых скотоводов-манапов с различными слоями зависимого и полузависимого населения — малаи, джигиты, джалкши, койчи. Он сделал вывод о том, что, несмотря на значительное социальное расслоение, говорить о каких-либо классах и классовой борьбе среди киргизов не приходится, родовая солидарность все еще достаточно сильна, несмотря на то, что выделился слой «манапов», представляющих собой потенциальных феодалов. Социальный строй данного общества он определил как переходный между родовым строем и феодализмом и рекомендовал развивать в киргизском ауле торговлю и кооперацию бедняков, чтобы прекратить отношения кабальной аренды, служившие, по его мнению, основным источником зависимости бедняков от баев¹⁵. К схожим выводам относительно социального строя туркмен-иомудов пришел П.Ф. Преображенский: родовой строй, по его мнению, был «деформирован» усилением баев и территориальных связей и был на пути к феодализации, остановленной советской властью¹⁶.

Уже в 1926 г. в центральном партийном журнале «Большевик» появилась статья «Об одной теоретической путанице и ее вредных последствиях», в которой Кушнер фигурировал как основной образец неправильного понимания сущности докапиталистических общественных отношений у киргизов. Суть этой критики была проста: в Киргизии давно существуют и классы, и эксплуатация. Манапы являются не «пережитком родового строя», а вполне сложившимися феодалами, имеющими своих холопов, монополизировавшими судебные функции, собственность на пастбища и т.д. Рекомендации Кушнера властям являются не чем иным, как теорией «капиталистического дозревания», противоречащей словам Ленина о возможности для «отсталых народов» в условиях диктатуры пролетариата избежать капиталистической стадии развития и перейти непосредственно к социализму¹⁷. После выхода в свет самой монографии она также подверглась очень резкой критике, следовавшей той же логике.

Впоследствии выводы Кушнера об аренде скота как основном механизме эксплуатации были использованы С.П. Толстовым в формулировке известной теории «кочевого феодализма», долгое время

доминировавшей в советской этнографии. Но тот же автор в докладе, сформулировавшем эту теорию, упоминал о Кушнере и Преображенском как об ученых, которые в качестве ревизии марксистского учения о первобытной формации «приклеивают ярлычок “родового строя” к таким глубоко антагонистическим обществам, как киргизское или туркменское, и таким образом весьма просто доказывают, что “родовой строй” знает частную собственность, классы и т.д. и что, следовательно, все это существовало со времен Адама»¹⁸.

Схожая критика, которой подверглись такие разные ученые, как Кушнер и Преображенский, была лишь частью ожесточенных дискуссий рубежа 1920–1930-х годов, в которых подвергалось сомнению и само право на существование этнографической науки. Ситуацию, в которой шли эти дискуссии, можно описать известной гоббсовской характеристикой «война всех против всех», в ходе которой никто не был застрахован от идеологических обвинений и мало кто из ученых не использовал эти обвинения в «оборонительных» целях. Однако и Преображенский, и Кушнер принадлежали именно к этому редкому виду. В 1930-е годы их судьбы сложились поразному. Преображенский после закрытия в 1931 г. этнологического факультета оставался профессором исторического факультета Московского университета, преподавал на кафедре древнего мира, в 1933 г. участвовал в международном конгрессе историков в Варшаве. В 1937 г. он, как известно, был арестован «за контрреволюционную деятельность» и в 1941 г. расстрелян. Кушнер, оценив сложившуюся вокруг него, да и вообще в научном мире обстановку, воспользовался старыми связями среди большевистских лидеров высокого ранга и в 1931 г. ушел работать под начальством своего старого знакомого А.П. Розенгольца в Наркомат внешней торговли. Он был торгпредом СССР в Литве, затем в Норвегии, позднее работал на различных административных должностях в государственных органах руководства наукой, в Музее народов СССР и Госполитиздате. В 1937 г. он, по всей видимости, был на волосок от гибели. Розенголец проходил одним из основных обвиняемых по делу «троцкистско-зиновьевского блока». Кушнер не только был связан личными и служебными связями со многими старыми большевиками и троцкистами, которых истребляли в 1937–1938 годы, но и поддерживал в 1923 г. левую оппозицию, был женат на иностранке — сотруднице советского посольства в Норвегии. Однако ему посчастливилось уцелеть и вернуться уже в годы Великой Отечественной войны к активной научной деятельности в области этнографии. Именно в послевоенные годы он окончательно сложился как этнограф и осуществил те работы, благодаря которым главным образом и известен в истории этой науки. В 1940–50-е годы он руководил важнейшими проектами Института этнографии — этнической статистикой и карто-

графией и изучением национальных процессов, полевым исследованием русской колхозной деревни и составлением историко-этнографического атласа «Русские».

Кушнер и Преображенский в социальном, политическом и идеологическом плане представляли собой очень разные типы российского/советского общества. Тем не менее, как мне кажется, к концу 1920-х годов между ними возникали некоторые точки соприкосновения не только «благодаря» обрушившейся на обоих критике, но и в тематике и результатах их работ. Конечно, в немалой степени этому способствовала радикальная «марксизация» общественных наук, проводившаяся людьми, в основном далекими от непосредственно исследовательской работы и предпочитавшими заменять ее бесконечными интерпретациями работ классиков марксизма. Уже во второй половине 1930-х годов станет отчасти понятна тупиковость такого рода деятельности, которая получила название «абстрактного социологизма», оторванного от изучения конкретного материала¹⁹. В этом отношении Кушнер своим курсом по истории общественных форм, конечно, внес определенную лепту в становление этого стиля квазинаучной работы, однако надо отдать ему должное: в 1930 г. он был одним из немногих, кто имел смелость печатно выражать недовольство «нехорошей привычкой» «вместо доказательства при спорах отделяться одними цитатами из сочинений Маркса, Энгельса, Ленина»²⁰. Преображенский также не скрывал своих «частичных несогласий с некоторыми положениями Энгельса» (так он выразился в письме академику Н.Я. Марру, в котором протестовал против своего увольнения из Института этнических и национальных культур народов Советского Востока)²¹. По воспоминаниям С.Б. Бернштейна, на лекциях он критиковал Энгельса, что нетрудно понять и из опубликованного текста «Курса этнологии»²². В то же время он, конечно, стремился найти компромисс между своими научными убеждениями и предъявляемыми действительностью требованиями, чтобы остаться в профессии. Об этом свидетельствует как его идеологически выдержанная и вполне марксистская по проблематике статья о туркменах, так и активная преподавательская деятельность в таких «цитаделях» марксистского образования, как Институт красной профессуры и Коммунистический университет им. Свердлова. Историк А.И. Гуковский, слушавший его лекции в ИКП, написал о нем: «Это был незаурядный человек, он на десять лет опоздал родиться и на прежнем небосклоне мог бы быть звездой первой величины»²³. Так или иначе, оба оказались как за рамками догматизированного марксизма 1930-х годов, так и за рамками этнографии как профессии. Представляется, что этих ученых объединяет также и то, что в столь политизированной обстановке и в столь жестокую эпоху они умели отстаи-

вать свои принципы и сохранили верность своим (хотя и сильно различавшимся) представлениям о научной истине, не разменивая ее на сиюминутную идеологическую конъюнктуру.

* * *

1. Подробнее см.: Иванова Ю.В. Петр Федорович Преображенский: Жизненный путь и научное наследие // Репрессированные этнографы. Вып. 1. М., 1999.
2. Подробнее см.: Алымов С.С. П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М., 2006.
3. Кушнер П.И. Нужно ли изучать общественные формы? // Историк-марксист. 1927. № 6. С. 206.
4. АРАН. Ф. 677. Оп. 2. Д. 126. Л. 1–2.
5. Богданов А.А. Исторический материализм и вопросы первобытной жизни // Вестник Социалистической академии. М.; Пг., 1923. Кн. 3. С. 17–19.
6. Преображенский П.Ф. Курс этнологии. М., 1929. С. 80.
7. Кушнер П.И. О первобытном коммунизме // Записки Коммунистического университета им. М.Я. Свердлова. М., 1924. Т. II. С. 64.
8. Кушнер П.И. Предисловие // Гуковский А.И. Трахтенберг О.В. Очерк истории докапиталистического общества и происхождения капитализма. М.; Л., 1931. С. VIII.
9. Равдоникас В.И. О сущности развития доклассового общества // Известия ГАИМК. 1932. № 5–6. С. 54–62.
10. Покровский М.Н. О научно-исследовательской работе историков // Правда. 1929. № 63. 17 марта. С. 2.
11. Правда. 1929. № 84. С. 4.
12. Там же.
13. АРАН. Ф. 677. Оп. 2. Д. 126. Л. 37.
14. АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.
15. РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 278. Л. 31–60.
16. Преображенский П.Ф. Разложение родового строя и феодализационный процесс у туркмен-иомудов // Этнография 1930. № 4. С. 21.
17. Митрофанов А. Об одной теоретической путанице и о вредных ее последствиях // Большевик. 1926. № 13. С. 78–80.
18. Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М.; Л., 1934. С. 169.
19. Арциховский А., Воеводский М., Киселев С., Толстов С. О методах вредительства в археологии и этнографии // Историк-марксист. 1937. № 2. С. 79–82.
20. Кушнер П.И. Предисловие // Гуковский А.И., Трахтенберг О.В. Очерк истории докапиталистического общества и происхождения капитализма. М.; Л., 1931. С. XIV.
21. АРАН. Ф. 677. Оп. 2. Д. 126. Л. 23–24.
22. Берштейн С.Б. Зигзаги памяти. М., 2002. С. 49.
23. Гуковский А.И. Как я стал историком // История СССР. 1965. № 6. С. 86.